

Амонова Д. С.¹, Ананченкова П. И.², Касымова Л. Н.³**АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ В ПОВЕСТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**¹Российско-Таджикский Славянский университет, 734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан;²ФГБНУ «Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н. А. Семашко» Минобрнауки России, 105064, г. Москва;³Университет Нархоз, 050035, г. Алматы, Казахстан

В статье рассмотрено становление и развитие концепта активного долголетия в государственной демографической политике стран Содружества Независимых Государств. На основе анализа программных документов, стратегий и институциональных механизмов государств — участников Содружества выявлены общие черты и национальные особенности реализации политики в отношении стареющего населения. Особое внимание уделено вопросам институционализации подхода к активному долголетию, а также роли межгосударственного сотрудничества в продвижении возрасто-дружественной повестки.

Ключевые слова: активное долголетие; демографическая политика; старение населения; социальная инклюзия; международное сотрудничество.

Для цитирования: Амонова Д. С., Ананченкова П. И., Касымова Л. Н. Активное долголетие в повестке государственной демографической политики стран Содружества Независимых Государств. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025;33(3):407—413. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-3-407-413>

Для корреспонденции: Амонова Дильбар Субхоновна, д-р экон. наук, профессор, e-mail: amonovads@rambler.ru

Amonova D. S.¹, Ananchenkova P. I.², Kasymova L. N.³**THE ACTIVE LONGEVITY IN AGENDA OF STATE DEMOGRAPHIC POLICY OF COUNTRIES OF THE
COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES**¹The Interstate Educational Institution of the Higher Education “Russian-Tajik (Slavonic) University”, 734025, Dushanbe, the Republic of Tajikistan;²N. A. Semashko National Research Institute of Public Health, 105064, Moscow, Russia;³The Non-Commercial Joint-Stock Company “Narxoz University”, 050035, Almaty, Kazakhstan

The article considers becoming and development of concept of active longevity in the state demographic policy of the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). On the basis of analysis of program documents, strategies and institutional mechanisms of the CIS member states, common characteristics and national peculiarities of implementation of policy related to the aging population are identified. The special attention is paid to issues of institutionalization of approach to active longevity, as well as to role of interstate cooperation in promoting age-friendly agenda.

Keywords: active longevity; demographic policy; the CIS; population aging; social inclusion; international cooperation.

For citation: Amonova D. S., Ananchenkova P. I., Kasymova L. N. The active longevity in agenda of state demographic policy of countries of the Commonwealth of Independent States. *Problemi socialnoi gigieni, zdavookhraneniya i istorii meditsini*. 2025;33(3):407—413 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-3-407-413>

For correspondence: Amonova D. S., doctor of economical sciences, professor, the Interstate Educational Institution of the Higher Education “Russian-Tajik (Slavonic) University”. e-mail: amonovads@rambler.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support.

Received 05.08.2024

Accepted 30.10.2024

Введение

Современные демографические процессы характеризуются устойчивым трендом на старение населения, который затрагивает как развитые, так и развивающиеся страны. Согласно прогнозам Организации Объединенных Наций (ООН), к середине XXI в. доля людей в возрасте 60 лет и старше превысит 20% населения планеты. Эта тенденция актуальна и для стран постсоветского пространства, входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ), где увеличение доли пожилого населения сочетается с рядом специфических факторов: трансформацией систем социальной защиты, изменением семейных моделей, миграционными процессами, экономическими и инфраструктурными дисбалансами.

В условиях демографического старения перед государствами СНГ встают комплексные задачи: сохранить устойчивость пенсионных систем, обеспечить доступность и качество медицинской и социальной помощи, предотвратить возрастную маргинализацию, а также адаптировать инфраструктуру к новым потребностям. В этих условиях концепт активного долголетия становится не только гуманистическим идеалом, но и важным инструментом государственной политики, направленным на расширение возможностей пожилых людей для полноценной, безопасной и активной жизни.

Активное долголетие в международной практике трактуется как мультидисциплинарный и межсекторный подход, ориентированный на здоровье, участие, безопасность и непрерывное обучение в пожи-

лом возрасте. Его реализация требует согласованных усилий государства, гражданского общества и международных организаций, а также пересмотра устаревших подходов к социальной политике в отношении пожилых граждан.

Для стран СНГ актуальность внедрения политики активного долголетия обусловлена рядом факторов:

- необходимостью модернизации демографической и социальной политики в условиях стареющего общества;
- ростом численности пожилого населения и увеличением продолжительности жизни;
- потребностью в интеграции лучших международных практик и стандартов в национальные стратегии;
- запросом на создание инклюзивной среды, способствующей участию пожилых людей в жизни общества.

Несмотря на то что в отдельных государствах СНГ предпринимаются шаги в направлении активного долголетия, отсутствует единый подход к его институционализации и нормативной фиксации. Политика в данной сфере зачастую остается фрагментарной и ограниченной узким набором социальных мер, тогда как вызовы требуют комплексных, устойчивых и межгосударственно согласованных решений.

В этой связи представляет научный и практический интерес анализ подходов к реализации концепции активного долголетия в демографической политике стран СНГ, их институциональных моделей, программных документов, механизмов межсекторного и межгосударственного взаимодействия. Исследование данной темы способствует выявлению точек роста, обмену эффективными практиками, а также формированию новой региональной повестки в области гуманитарного и социального развития.

Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода, сочетающего методы политической науки, социологии старения, сравнительной социальной политики и демографии. Методологическая основа статьи опирается на принципы структурного анализа, институциональной компаративистики и стратегического подхода к формированию государственной политики.

Материалы исследования включают официальные нормативные правовые акты и программные документы Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Таджикистан, статистическую информацию, предоставленную национальными органами статистики, научную литературу, посвященную вопросам старения населения, активного долголетия и возрастной политики.

В исследовании использованы сравнительно-политический анализ, позволивший выявить общие черты и различия в подходах к активному долголетию между странами СНГ, контент-анализ стратеги-

ческих и законодательных документов, направленный на выявление ключевых приоритетов, понятий и механизмов реализации политики в отношении пожилых, структурно-функциональный анализ, примененный для оценки институциональных механизмов, действующих в рамках национальных моделей активного долголетия, системный подход, позволивший рассматривать активное долголетие как элемент целостной демографической и социальной политики.

Исследование имеет определенные ограничения, связанные с неоднородностью статистических данных по странам СНГ, отсутствием полной унификации понятийного аппарата в области возрастной политики на постсоветском пространстве, недостаточной открытостью информации о некоторых региональных программах на уровне муниципалитетов и неправительственных организаций (НПО). Также работа ограничена анализом активного долголетия только в трех странах СНГ: Российской Федерации, Республике Таджикистан и Республике Казахстан.

Результаты исследования

Концепт активного долголетия (active ageing), официально введенный в международный оборот Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 2002 г., представляет собой ответ на глобальные демографические трансформации и необходимость переосмысления роли пожилых людей в обществе. Согласно определению ВОЗ, активное долголетие — это процесс «оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности с целью улучшения качества жизни по мере старения» [1].

Ключевая новизна подхода заключается в переходе от патерналистской модели, где пожилой человек рассматривается как объект социальной защиты, к инклюзивной и субъектной модели, предполагающей участие пожилых в социальной, экономической, культурной и политической жизни. Это означает, что успешное старение должно обеспечиваться не только усилиями самого человека, но и созданием благоприятной социальной среды, ориентированной на принципы справедливости, доступности и межпоколенческой солидарности.

Как подчеркивает М. Б. Хольштайн, «идея активного старения поднимает вопрос не о том, как старость переживается, а о том, как она организуется политически и структурно» [2]. Таким образом, активное долголетие — не только биопсихологическое состояние, но и политико-институциональный результат.

Модель активного долголетия включает четыре взаимосвязанных компонента:

- здоровье — доступ к медицинской помощи, профилактике и поддержке функциональной активности;
- участие — включение в трудовую деятельность, волонтерство, образование, политическую жизнь;

- безопасность — обеспечение экономической, физической и социальной защищенности;
- обучение — поддержка непрерывного образования и цифровой инклюзии в пожилом возрасте.

По данным доклада Global AgeWatch Index, в мире сохраняются значительные различия в уровне реализации этих компонентов. Так, лидерами по условиям для активного старения являются Норвегия, Швеция, Япония, Германия и Канада, тогда как большинство стран с переходной экономикой, включая ряд государств СНГ, отстают по ряду ключевых индикаторов (доступ к здравоохранению, пенсионное обеспечение, возрастная дискриминация, инфраструктура) [3].

В странах СНГ подход к активному долголетию постепенно начинает институционализироваться. Россия, Казахстан, Беларусь, Узбекистан и Армения уже включили аспекты активного долголетия в стратегические документы, касающиеся демографии, здравоохранения и социальной политики. Однако исследования показывают:

- отсутствует единая понятийная база — термины «активное долголетие», «здоровое старение», «продуктивное долголетие» используются без разграничения;
- сохраняется фрагментарность политики — меры носят эпизодический или проектный характер, а не являются частью устойчивой государственной стратегии;
- недостаточны межведомственная координация и участие гражданского общества;
- остаются высокими риски возрастной изоляции, бедности и цифрового неравенства среди пожилых.

При этом позитивным является тот факт, что государства региона начинают включать пожилых людей в стратегии устойчивого развития, продвигать межпоколенческое взаимодействие и поддерживать волонтерские инициативы. Как отмечает А. Уолкер, «переход к политике активного старения — это переход к новой парадигме социальной политики, где пожилой человек рассматривается как ресурс, а не как бремя» [4].

Активное долголетие в контексте демографической политики СНГ выступает как междисциплинарный и межсекторальный инструмент, способствующий не только индивидуальному благополучию пожилых граждан, но и социальной устойчивости, экономической эффективности и политической инклюзии.

В начале XXI в. страны СНГ вступили в фазу устойчивого демографического старения, что отражает общемировую тенденцию. Однако специфика этого процесса в регионе обусловлена последствиями демографического перехода, политико-экономическими трансформациями 1990-х годов, миграционными процессами и различиями в темпах модернизации социальной инфраструктуры.

Согласно данным ООН и Межпарламентской ассамблеи СНГ, по состоянию на 2023 г. доля насе-

ния в возрасте 60 лет и старше варьирует в странах СНГ от 10 до 24%. Наиболее высокая доля пожилых зафиксирована в Российской Федерации (24%), Беларуси (22%), Украине (21%) и Казахстане (16,5%). Эти государства уже перешли к модели стареющего общества, по международной классификации, в то время как Кыргызстан (9,5%), Узбекистан (9,2%) и Таджикистан (6,4%) все еще сохраняют демографически молодую структуру населения, но демонстрируют устойчивую тенденцию к увеличению доли пожилых [5].

По прогнозам ООН, к 2040 г. во всех странах СНГ произойдет значительное смещение возрастной структуры населения: в России и Беларуси доля лиц старше 60 лет достигнет 30%, в Казахстане превысит 22%, в странах Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) возрастная группа 60+ удвоится, хотя общая структура останется относительно молодой. Таким образом, процесс старения становится универсальным, хотя и разновременным, что требует как национальных, так и координированных региональных ответов в сфере демографической политики.

Старение населения в странах СНГ обусловлено рядом факторов.

1. Снижение рождаемости — большинство стран региона демонстрируют суммарный коэффициент рождаемости ниже уровня воспроизводства (2,1), за исключением отдельных республик Центральной Азии.

2. Увеличение продолжительности жизни — по данным ВОЗ, средняя продолжительность жизни в регионе составляет 71—74 года, при этом наблюдается устойчивая тенденция к увеличению показателей, особенно среди женщин.

3. Миграционные потоки — значительная часть молодого трудоспособного населения мигрирует в Россию, Казахстан и за пределы СНГ, что дополнительно усиливает старение в странах — донорах миграции, например в Армении, Узбекистане, Таджикистане.

4. Феминизация старости — женщины составляют до 65—70% населения в возрастной группе 65+, особенно в странах с высокими показателями мужской смертности [6].

Рост доли пожилого населения оказывает прямое давление на основные государственные институты. Снижение численности работающего населения приводит к уменьшению базы для отчислений и увеличению числа пенсионеров. Во многих странах уже фиксируется дефицит пенсионных фондов и растущая потребность в реформировании (в том числе повышении пенсионного возраста, внедрении накопительных элементов). Пожилые граждане нуждаются в более интенсивной и длительной медицинской помощи. Наблюдается рост хронических неинфекционных заболеваний, потребность в гериатрии и системе длительного ухода, которых в большинстве стран СНГ пока недостаточно. Возрастают требования к социальной инфраструктуре, уходу на дому, поддержке одиноких пожилых и восстано-

Здоровье и общество

дружественной среде. Особенно уязвимы пожилые в сельской местности и отдаленных регионах. Трудовая активность лиц 55+ в странах СНГ остается на низком уровне. Возрастная дискриминация и отсутствие программ переподготовки мешают пожилым оставаться экономически активными, что ограничивает реализацию принципов активного долголетия.

Несмотря на очевидные риски, демографическое старение может рассматриваться не только как угроза, но и как возможность для трансформации социальной политики. Пожилые люди — это ресурс для добровольчества, наставничества, межпоколенческого обмена; крупнейший потребительский сегмент (развитие *silver economy*); носители знаний, культуры и социальной устойчивости.

Политика активного долголетия в таком контексте становится важным направлением государственной демографической стратегии, которое должно учитывать не только биологический возраст, но и социальную вовлеченность, способность к самоактуализации и условия внешней среды.

Российская Федерация занимает лидирующие позиции среди стран СНГ по уровню институционального оформления и реализации политики активного долголетия. Это обусловлено как масштабами демографического старения (на 2023 г. доля граждан в возрасте 60 лет и старше составляет более 24% населения страны [7]), так и необходимостью структурной модернизации социальной сферы в условиях демографического перехода.

Политика активного долголетия в России развивается в рамках комплекса стратегических и программных документов, среди которых:

- Национальный проект «Демография» [8]. В его структуре действует федеральный проект «Старшее поколение», основной задачей которого является повышение качества жизни граждан пожилого возраста.
- «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [9]. Документ определяет направления государственной политики по формированию условий для активной, достойной и безопасной жизни пожилых.
- Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [10]. Концепция подчеркивает необходимость повышения уровня социальной защиты и интеграции пожилых граждан в жизнь общества.

Существует и ряд других документов.

В 2023 г. Минтруд России инициировал разработку пилотной модели системы долговременного ухода, что напрямую связано с задачами активного долголетия и поддержания автономности пожилых.

В рамках национального проекта «Демография» осуществляется внедрение системы долговременного ухода за пожилыми людьми. К 2023 г. пилотные модели внедрены более чем в 30 субъектах РФ [11]. Формируются межведомственные службы, предоставляющие услуги сиделок, сопровождающих, по-

мощников по быту, с применением технологий адресной помощи и цифрового мониторинга. Более 600 тыс. пожилых граждан ежегодно получают санаторно-курортное лечение за счет федерального и региональных бюджетов. Реализуются программы диспансеризации, профилактики заболеваний и социальной реабилитации. В 2021—2023 гг. более 300 тыс. человек старшего возраста прошли обучение в рамках федеральной программы «Старшее поколение» — от компьютерной грамотности до курсов профессиональной переподготовки. Регионы активно внедряют инициативы по цифровой инклюзии пожилых, например проект «Бабушка онлайн».

Программы содействия занятости (через центры «Моя карьера» и службы занятости) включают стимулирование найма граждан 50+, организацию ярмарок вакансий и переквалификацию. По данным Росстата, уровень занятости среди граждан 55—64 лет составил в 2023 г. 58,4% [13].

Развивается практика «серебряного волонтерства»: 2022 г. в России почти 165 тыс. людей в возрасте от 55 лет и старше приняли активное участие в волонтерской деятельности [14]. Координацию осуществляет Ассоциация «Серебряный возраст» при поддержке платформы Добро.РФ.

Во многих регионах действуют центры активного долголетия и возраст-дружественные пространства, способствующие социальной интеграции пожилых, например проект «Московское долголетие», охватывающий более 350 тыс. человек старше 55 лет в г. Москве.

Несмотря на масштабность программ и охват населения, реализация политики активного долголетия в России сталкивается с рядом вызовов, среди которых неравномерность регионального развития: в субъектах с ограниченным бюджетом или сельскими территориями доступ к услугам остается ограниченным, отмечаются недостаток кадров в сфере ухода и геронтологии, фрагментарность статистического учета результатов социальных программ, отсутствие отдельного федерального закона об активном долголетии — при наличии программных документов отсутствует нормативное закрепление понятия на уровне закона.

В то же время наблюдается устойчивая тенденция к систематизации подходов, укреплению межведомственного взаимодействия и росту общественного участия. Российская практика может рассматриваться как модель регионального уровня, имеющая потенциал тиражирования в других странах СНГ.

Казахстан — одно из немногих государств Центральной Азии, которое официально включило вопросы активного долголетия в рамки государственной демографической и социальной политики. Это обусловлено устойчивой тенденцией демографического старения: по данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан, на начало 2023 г. доля населения в возрасте 60 лет и старше составила

13,9%, при этом прогнозируется рост до 20% к 2040 г. [16].

Учитывая эти тенденции, казахстанское правительство с 2018 г. последовательно развивает институциональные и программные подходы к активному долголетию, нацеленные на повышение качества жизни пожилых людей, их вовлечение в социальную и экономическую жизнь и укрепление межпоколенческой солидарности.

Политика активного долголетия в Казахстане реализуется в контексте следующих ключевых документов:

- Стратегия «Казахстан-2050» (принята в 2012 г.) провозглашает принцип инклюзивного роста и социальной стабильности, включая обеспечение достойной жизни гражданам пожилого возраста [17].
- Национальный план действий по улучшению положения граждан старшего поколения «Активное долголетие» в Республике Казахстан до 2025 г. [18], который определяет приоритетные направления:
 - совершенствование системы здравоохранения и ухода;
 - трудовая активность и занятость пожилых;
 - участие в общественной жизни и добровольчестве;
 - развитие системы непрерывного обучения;
 - борьба с эйджизмом.
- Концепция социальной политики до 2030 г. [19], одобренная в 2022 г., закрепляет принципы активного, безопасного и достойного старения, подчеркивая необходимость межведомственного и межсекторального взаимодействия.

Во многих регионах страны открываются центры активного долголетия, предлагающие программы оздоровления, обучения, досуга и юридической консультации для граждан 60+. В 2022 г. функционировали более 80 центров в 14 областях, в том числе в рамках государственного социального заказа и через сотрудничество с НПО [20].

В стране с 2019 г. реализуется инициатива «Казахстан — страна для всех возрастов» под эгидой Министерства труда и социальной защиты населения, включающая образовательные курсы для пожилых, программы цифровой грамотности, вовлечение пенсионеров в наставничество и волонтерство, создание условий для физической активности и социализации.

Согласно официальной статистике, уровень занятости населения в возрасте 55—64 лет в 2022 г. составил 57,4%, а для категории 65+ — 19,8% [21]. Для повышения этих показателей реализуются программы поддержки предпринимательства и трудоустройства пожилых.

На 2023 г. в Казахстане функционирует более 70 геронтологических кабинетов при поликлиниках, однако полноценная система гериатрической помощи пока находится в стадии становления [22]. Про-

водится диспансеризация лиц 60+, развивается пилотный проект по долговременному уходу.

В рамках реализации государственной молодежной и семейной политики формируются площадки, объединяющие пожилых наставников и молодежь (программы «Старшие наставники», «День пожилого волонтера» и др.).

Несмотря на нарастающее внимание к проблемам старения, политика активного долголетия в Казахстане сталкивается с рядом барьеров: низок уровень межведомственной координации, отсутствует целостная архитектура реализации политики на местах, существуют финансовая и кадровая ограниченность центров активного долголетия, цифровой разрыв между поколениями (в 2022 г. интернетом регулярно пользовались только 37% граждан 60+ [23]), недостаточная осведомленность пожилых о своих правах и возможностях участия в программах.

Тем не менее Казахстан демонстрирует устойчивое стремление к интеграции международных стандартов в национальную практику. Страна активно сотрудничает с международными организациями (Всемирный банк, ВОЗ, UNFPA), принимает участие в региональных платформах по вопросам старения и продвигает принципы справедливого и активного старения на уровне СНГ.

Республика Таджикистан пока находится на начальной стадии реализации политики активного долголетия, что объясняется демографическими особенностями страны. По данным Института экономики и демографии Национальной академии наук Таджикистана, на 2023 г. население Республики составило 10 078,4 тыс. человек, доля населения 60+ составляла 6,4%, однако ожидается ее удвоение к 2050 г. Несмотря на пока еще относительно «молодую» возрастную структуру, тенденции старения становятся все более заметными в социально-экономическом и политическом контексте.

На уровне правительственной политики отдельной стратегии по активному долголетию в Таджикистане пока не принято. Вопросы, касающиеся пожилого населения, включены в более широкие документы: Национальная стратегия развития на период до 2030 г. [25], Государственная программа по социальной защите населения [26]. Особое внимание уделяется предоставлению пенсий, социальных пособий, доступу к медицинским услугам и борьбе с бедностью среди пожилых.

Программы, направленные на продление активной жизни и участие пожилых в обществе, реализуются в основном при поддержке международных организаций и НПО. С 2020 г. при поддержке UNFPA и HelpAge International внедряются пилотные программы по созданию возрасто-дружественных сообществ, где пожилые участвуют в локальном самоуправлении, обучении и общественной деятельности. Развиваются формы домашнего ухода за пожилыми, особенно в сельской местности, где остро ощущается нехватка учреждений стационарного типа. Осуществляется работа по цифровой гра-

Здоровье и общество

мотности и вовлечению пожилых в волонтерские проекты, однако эти программы пока охватывают ограниченное число участников.

Вместе с тем в стране наблюдаются отсутствие институциональной системы долговременного ухода, ограниченный бюджет на социальные нужды и нехватка кадров в гериатрии, цифровой разрыв и слабая информированность пожилых о своих правах, недостаточная политическая репрезентация интересов пожилых граждан.

Политика активного долголетия в странах СНГ развивается в условиях общего тренда демографического старения, но отражает различия в ресурсных, институциональных и социокультурных характеристиках. При этом можно выделить ряд сходств, формирующих региональную специфику, а также принципиальные различия, определяющие характер национальных моделей.

Общими чертами являются следующие:

- Признание старения как демографического вызова в стратегических документах. Во всех странах СНГ на уровне государственных программ и национальных стратегий зафиксировано понимание старения как долгосрочного вызова. Это отражено в национальных проектах России (например, «Демография»), в Национальном плане по вопросам старения Казахстана, в долгосрочных стратегиях развития Беларуси, Армении, Узбекистана. Таким образом, старение населения перестает восприниматься исключительно как объект социальной защиты и становится важным направлением демографического, экономического и социального планирования.
- Рост институциональной поддержки ухода и медицинских программ. Большинство государств СНГ реализуют программы диспансеризации пожилых, развития первичной медицинской помощи и гериатрии, создания элементов долговременного ухода. Так, в России и Казахстане уже функционируют модели патронажного обслуживания, в то время как в Таджикистане и Кыргызстане подобные механизмы формируются в партнерстве с международными организациями.
- Расширение образовательных и культурных программ для пожилых. Внедряются курсы цифровой грамотности, например проект «Цифровая Академия» в Республике Казахстан, профессиональной переподготовки, обучения в университетах третьего возраста, в том числе в России, Беларуси, Армении. Также поддерживаются формы «серебряного волонтерства» и досуговой активности (клубы активного долголетия, центры досуга).
- Использование международного опыта и партнерств. Во многих странах СНГ осуществляется адаптация стратегий и рекомендаций ВОЗ (концепция активного и здорового старения), UNFPA (поддержка пилотных проектов в Центральной Азии), HelpAge International (модель

возрасто-дружественных сообществ в Таджикистане, Молдове, Кыргызстане). Международные партнеры играют ключевую роль в экспертизе, финансировании пилотов и продвижении возрастной инклюзии.

Различия в национальных подходах проявляются:

- В степени включенности активного долголетия в государственную стратегию. Так, для России, Казахстана, Беларуси характерно наличие утвержденных стратегий и национальных планов, закрепленных в нормативных документах. В Армении, Таджикистане политика активного долголетия формируется преимущественно через межсекторальные программы и проекты при поддержке НПО и международных структур, но не всегда оформлена как отдельный политико-управленческий блок. В Узбекистане и Кыргызстане активное развитие получают отдельные направления (например, здравоохранение, пенсии), но пока нет единой стратегии активного долголетия.
- В уровне региональной и местной активности. В России и Казахстане наблюдается активное участие регионов: субъекты России и акиматы в Казахстане реализуют собственные программы, проекты и создают центры активного долголетия. В странах Центральной Азии и в российских регионах Кавказа региональная вовлеченность зависит от наличия международных проектов или активности местных НПО.
- В доле участия гражданского общества и негосударственных инициатив. В ряде стран (Армения, Таджикистан) именно неправительственные и некоммерческие организации становятся основными драйверами программ активного долголетия, в том числе в отдаленных и сельских районах. В странах с более централизованной системой (Россия, Беларусь) гражданское участие растет, но реализуется в партнерстве с государственными структурами и чаще всего через программы «серебряного волонтерства».
- В финансовых и кадровых ресурсах. Россия и Казахстан имеют более устойчивую финансовую базу для реализации широких программ (национальные и региональные бюджеты, цифровые платформы, развитая инфраструктура). В странах с ограниченными ресурсами (Киргизия, Таджикистан, Армения) возможности зависят от внешней поддержки, доступности грантов и локальной инициативы. Кадровый дефицит — общая проблема, во всех странах ощущается нехватка специалистов в области гериатрии, социальной работы, реабилитации.

Заключение

Страны СНГ, несмотря на различия в уровнях социально-экономического развития, институциональных ресурсах и культурно-демографических

особенностях, формируют общую возрастно-чувствительную повестку, в рамках которой пожилые граждане все активнее рассматриваются не как пассивные получатели помощи, а как полноценные участники общественных, экономических и политических процессов.

Объединяющим трендом является переход от патерналистской модели к инклюзивной парадигме активного долголетия, ориентированной на здоровье, участие, безопасность и обучение в пожилом возрасте. При этом сохраняется асинхронность внедрения концепта: одни государства уже закрепили принципы активного долголетия в нормативных стратегиях (Россия, Казахстан, Беларусь), другие опираются преимущественно на международную помощь и локальные инициативы (Таджикистан, Армения).

Развитие политики активного долголетия в регионе СНГ сопровождается расширением спектра инструментов — от центров активного долголетия и программ цифровой инклюзии до «серебряного волонтерства», пилотных моделей долговременного ухода и образовательных инициатив для лиц старшего возраста. Однако успешность этих инициатив в значительной степени зависит от наличия устойчивого межведомственного взаимодействия, координации между уровнями власти, участия гражданского общества и надежного финансирования.

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

- World Health Organization. Active ageing: A policy framework. Geneva: WHO; 2002. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215> (дата обращения 20.01.2025).
- Holstein M. B., Minkler M. Self, society, and the “new gerontology”. *Gerontologist*. 2003;43(6):787–96.
- HelpAge International. Global AgeWatch Index 2015: Insight report summary. London: HelpAge; 2015.
- Walker A. A strategy for active ageing. *Int. Soc. Security Rev.* 2002;55(1):121–39.
- United Nations. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects; 2022.
- Щербакова Е. Молодежь СНГ — демографические штрихи к статистическому портрету 2023 года. Режим доступа: <https://www.elib.hse.ru/weekly/2024/01037/barom05.php> (дата обращения 12.01.2025).
- Росстат. Демографический ежегодник России. 2023. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 22.12.2024).
- Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 12.01.2025).
- Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 332-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/7PvwIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (дата обращения 12.01.2025).
- Указ Президента РФ № 1351 от 9 октября 2007 г. «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с последующими изменениями). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 12.01.2025).
- Счетная палата оценила результаты пилотного проекта по созданию системы долговременного ухода за пожилыми и инвалидами. Режим доступа: https://ach.gov.ru/checks/rezultaty-pilotnogo-proekta-po-sozdaniyu-sistemy-dolgovremennogo-ukhoda?blind_mode=on (дата обращения 22.12.2024).
- Старшее поколение — ресурс будущего: комплексный подход к активному долголетию. Экспертный доклад. Режим доступа: https://национальныепроекты.рф/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshee_pokolenie_new-3.pdf (дата обращения 12.01.2025).
- Росстат. Занятость и безработица в Российской Федерации в 2023 году: статистический бюллетень. М.; 2024.
- 165 тысяч россиян старшего возраста стали «серебряными» волонтерами. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3807926> (дата обращения 11.10.2024).
- Московское долголетие. Режим доступа: <https://dolgoletie-mos.ru/> (дата обращения 10.01.2025).
- Бюро национальной статистики Республики Казахстан. Демографические показатели. Режим доступа: <https://stat.gov.kz> (дата обращения 21.01.2025).
- Стратегия «Казахстан — 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства. Астана; 2012.
- Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения граждан старшего поколения «Активное долголетие» в Республике Казахстан до 2025 года. Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-zhumysaleumettik-korgau/documents/details/42869?lang=ru> (дата обращения 21.01.2025).
- Об утверждении Концепции социального развития Республики Казахстан до 2030 года. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396> (дата обращения 21.01.2025).
- Центры активного долголетия откроются во всех регионах Казахстана до конца года. Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2021-07-01/centry-aktivnogo-dolgoletiya-otkroyutsya-vo-vsekh-regionakh-kazakhstana-do/> (дата обращения 21.01.2025).
- Министерство труда и социальной защиты населения РК. Доклад о социальном развитии за 2022 год. Нур-Султан; 2023.
- Почему пожилым казахстанцам часто отказывают в госпитализации и как обеспечивают старикам комфортную старость в мире. Режим доступа: <https://informburo.kz/stati/pocemu-pozilyim-kazakhstancam-casto-otkazyvayut-v-gospitalizacii-i-kak-obespecivayut-starikam-komfortnuyu-starost-v-mire> (дата обращения 21.01.2025).
- UNFPA Kazakhstan. Assessment of Active Ageing Policies and Digital Inclusion in Central Asia. Almaty; 2022.
- Современные проблемы и перспективы развития статистики труда. Режим доступа: <https://new.cisstat.org/documents/20143/903622/4-4+русСубхонов+А.И.pdf/b0a4e9b9-3c08-0563-dece-556e001883ad?t=1716878546688> (дата обращения 21.01.2025).
- Национальная стратегия развития на период до 2030 года. Режим доступа: https://khovar.tj/wp-content/uploads/2017/01/NSR-2030_russkij.pdf (дата обращения 21.01.2025).
- Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Стратегии развития социальной защиты населения Республики Таджикистан на период до 2040 года». Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj221490.pdf> (дата обращения 21.01.2025).

Поступила 05.08.2024
Принята в печать 30.10.2024

REFERENCES

- World Health Organization. Active ageing: A policy framework. — Geneva: WHO, 2002. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215> (accessed 20.01.2025).
- Holstein M. B., Minkler M. Self, society, and the “new gerontology”. *Gerontologist*. 2003;43(6):787–96.
- HelpAge International. Global AgeWatch Index 2015: Insight report summary. London: HelpAge; 2015.
- Walker A. A strategy for active ageing. *Int. Soc. Security Rev.* 2002;55(1):121–39.
- United Nations. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects; 2022.
- Shcherbakova E. Youth of the CIS — demographic touches to the statistical portrait of 2023. Available at: <https://www.elib.hse.ru/weekly/2024/01037/barom05.php> (accessed 12.01.2025) (in Russian).
- Rosstat. Demographic Yearbook of Russia. 2023. Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 22.12.2024) (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated May 7, 2018 “On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation for the period up to 2024”. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 12.01.2025) (in Russian).

Здоровье и общество

9. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 29, 2016 No. 332-R. Strategy of actions in the interests of older citizens in the Russian Federation until 2025. Available at: <http://static.government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aB-z61bY5i.pdf> (accessed 12.01.2025) (in Russian).
10. Decree of the President of the Russian Federation No. 1351 of October 9, 2007 "On Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025" (with subsequent amendments). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (accessed 12.01.2025) (in Russian).
11. The Accounting Chamber evaluated the results of a pilot project to create a system of long-term care for the elderly and disabled. Available at: https://ach.gov.ru/checks/rezultaty-pilotnogo-proekta-posozdaniyu-sistemy-dolgovremennogo-ukhoda?blind_mode=on (accessed 22.12.2024) (in Russian).
12. The older generation is a resource of the future: an integrated approach to active longevity. Expert report. Available at: https://национальныепроекты.rf/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshee_pokolenie_new-3.pdf (accessed 12.01.2025) (in Russian).
13. Rosstat. Employment and unemployment in the Russian Federation in 2023: statistical bulletin. Moscow; 2024 (in Russian).
14. 165,000 older Russians became "silver" volunteers. Available at: <https://regnum.ru/news/3807926> (accessed 11.10.2024) (in Russian).
15. Moscow longevity. Available at: <https://dolgoletie-mos.ru/> (accessed 10.01.2025) (in Russian).
16. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Demographic indicators. Available at: <https://stat.gov.kz> (accessed 21.01.2025) (in Russian).
17. Strategy "Kazakhstan — 2050": A new political course of the established state. Astana; 2012.
18. On the approval of the National Action Plan for improving the situation of older citizens "Active Longevity" in the Republic of Kazakhstan until 2025. Available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-zhumys-aleumettik-korgau/documents/details/42869?lang=ru> (accessed 21.01.2025) (in Russian).
19. On the approval of the Concept of Social Development of the Republic of Kazakhstan until 2030. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000396> (accessed 21.01.2025) (in Russian).
20. Active longevity centers will open in all regions of Kazakhstan by the end of the year. Available at: <https://kz.kursiv.media/2021-07-01/centry-aktivnogo-dolgoletiya-otkroyutsya-vo-vsekh-regionakh-kazakhstana-do/> (accessed 21.01.2025) (in Russian).
21. Ministry of Labor and Social Protection of the Population of the Republic of Kazakhstan. The Social Development Report for 2022. Nur Sultan; 2023.
22. Why elderly Kazakhstani are often denied hospitalization and how they ensure a comfortable old age for the elderly in the world. Available at: <https://informburo.kz/stati/pocemu-pozilym-kazaxstan-cam-casto-otkazyvayut-v-gospitalizacii-i-kak-obespecivayut-starikam-komfortnuyu-starost-v-mire> (accessed 21.01.2025) (in Russian).
23. UNFPA Kazakhstan. Assessment of Active Ageing Policies and Digital Inclusion in Central Asia. Almaty; 2022.
24. Current problems and prospects for the development of labor statistics. Available at: <https://new.cisstat.org/documents/20143/903622/4-4+pycCy6xoнов+А.И.pdf/b0a4e9b9-3c08-0563-dece-556e001883ad?t=1716878546688> (accessed 21.01.2025) (in Russian).
25. National Development Strategy for the period up to 2030. Available at: https://khovar.tj/wp-content/uploads/2017/01/NSR-2030_russkij.pdf (accessed 21.01.2025) (in Russian).
26. Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan "On the Strategy for the Development of social protection of the population of the Republic of Tajikistan for the period up to 2040". Available at: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj221490.pdf> (accessed 21.01.2025) (in Russian).